

СТАТЬИ

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ в МАРТЕ 1917 года

Ф. И. Драбкина

Я приехала в Петроград в конце января 1917 г. с Урала по отбытии высылки. Первое, что бросилось мне в глаза при проезде вечером с вокзала,— это слабо освещенные улицы и длинные «хвосты» у булочных и продуктовых лавок. Жители столицы становились в очередь за хлебом уже с вечера. Дороговизна, продовольственная разруха, спекуляция и коррупция, охватившие высшие правительственные сферы, опустылевшая, чуждая интересам народных масс война вызывали возмущение в самых широких слоях населения. В любой момент можно было ожидать революционного взрыва.

Царское правительство пыталось предотвратить надвигающуюся революцию путем репрессий. Особенным «вниманием» охраны пользовались большевики. Одна массовая «ликвидация» следовала за другой. Наряду с арестами большевистская организация столицы несла большой урон и в связи с отправкой на фронт многих передовых рабочих питерских предприятий. Но никакая сила не могла помешать большевикам вести свою революционную боевую работу. С конца 1916 г. почти не было дня без того, чтобы на заводах и фабриках Петрограда не происходили забастовки, нередко заканчивавшиеся митингами, демонстрациями и столкновениями с полицией. 23 февраля (8 марта), в Международный женский день, Петербургский комитет РСДРП проводил митинги на тему «Война, дороговизна и положение работниц». Масса женщин двинулась к Городской думе с требованием: «Хлеба!». В разных частях города произошли демонстрации и стычки с полицией. На Петербургской стороне доведенные до отчаяния женщины стали громить продовольственные лавки. На защиту женщин от напавшей на них полиции встали рабочие. Они опрокидывали трамваи, валили столбы, строили баррикады. К брошенным на усмирение восставших войскам женщины обращались с призывом не стрелять в своих братьев и сестер, и войска отходили, не сделав выстрела.

25 февраля развернулась всеобщая забастовка петербургского пролетариата. Начиналась вторая русская революция. Бюро ЦК РСДРП выпустило 25 февраля листовку, в которой призывало рабочих, крестьян и солдат решительно подняться на борьбу за свержение самодержавия. «Впереди борьба, но нас ждет верная победа,— звала прокламация.— Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует Демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля — народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал!»¹

¹ Н. Авдеев. Революция 1917 года (Хроника событий). Т. I. Госиздат. 2-е изд., стр. 34.

Большевики держали твердый курс на развязывание революции. Они организовывали рабочих на борьбу против войны и царизма и призывали солдат присоединиться к восставшим. Большевики тянули рабочих к монархической Государственной думе. В Петрограде находилось тогда довольно много меньшевистских лидеров. Они имели в своих руках такие легальные центры, как фракция Государственной думы и рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете. Последняя была связана с аналогичными группами на периферии. Когда разразилась Февральская революция, думские лидеры меньшевиков вместе с буржуазными деятелями принимали активное участие в создании Временного комитета Государственной думы, ставившего своей целью «восстановление порядка в столице». В то время как революционные рабочие под руководством большевистской партии сражались на улицах против самодержавия, лидеры меньшевиков и эсеров отправились в Таврический дворец и захватили в свои руки руководство Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Чтобы организовать массы рабочих, крестьян и солдат на борьбу за дальнейшее развитие революции, нужно было прежде всего укрепить ряды большевистской партии и в первую очередь создать легальный партийный аппарат. Центры политических партий обосновались тогда в Таврическом дворце. По поручению члена Бюро ЦК В. М. Молотова, Е. Д. Стасова и я занялись устройством Секретариата ЦК. В одном из помещений Таврического дворца мы поставили длинный стол, над которым водрузили плакат с надписью: «Секретариат Центрального Комитета РСДРП (б)». Е. Д. Стасова вела прием посетителей и записывала все, что представляло интерес о положении на местах. Материалы, представлявшие интерес для печати, я обрабатывала и отвозила в «Известия Петроградского Совета», в редакции которых первое время работали Бонч-Бруевич, Величкина и другие большевики.

В один из первый дней революции к нам зашел В. М. Молотов, чтобы проинформировать о линии Бюро ЦК. Он сказал, что в лице Временного комитета Государственной думы организовалась контрреволюция, что необходимо вести борьбу за образование Временного революционного правительства. В. М. Молотов был решительным противником поддержки буржуазного Временного правительства и горячо отстаивал эту позицию и в Петербургском комитете партии и в Исполкоме Совета. Но позиция Молотова не встречала сочувствия со стороны Петербургского комитета РСДРП. 3 марта ПК большевиков вынес решение «не противодействовать власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа». Вскоре и Бюро ЦК РСДРП присоединилось к этому решению. В протоколе Бюро от 9 марта говорится: «Из прений выяснилось, что все члены Бюро считают невозможным поддерживать Временное правительство, однако и активное противодействие не представляется возможным»².

Примерно в середине марта была получена телеграмма В. И. Ленина, в которой четко формулировалось отношение к Временному правительству. Эту телеграмму, написанную по-французски, принесла в редакцию «Правды» А. И. Елизарова. В. И. Ленин предупредил в ней против какой бы то ни было поддержки нового правительства. Руководящие партийные работники знали о телеграмме В. И. Ленина, но это не изменило их позиции по отношению к Временному правительству.

Если разнобой и колебания по основному вопросу революции существовали в центре, то еще хуже обстояло дело на местах. Связь с Бюро ЦК не была еще достаточно налажена. В некоторых городах существо-

² Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 4 с. 2, ед. хр. 18, л. 6 об.

вали объединенные социал-демократические организации, куда наряду с большевиками входили меньшевики.

В таких условиях особенно остро ощущалась необходимость выработки четкой платформы большевистской партии по основным вопросам революции и создания крепкого всероссийского партийного центра. Нужно было созвать съезд или хотя бы конференцию партии. Но для подготовки созыва съезда или конференции требовалось большое время. Между тем нужно было дать безотлагательный ответ на жгучие вопросы дня. 29 марта открывалось Всероссийское Совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. На заседании 15 марта Бюро ЦК вынесло решение созвать к этому времени частное совещание партийных работников, дабы организованно выступить на Совещании Советов.

В совещании партийных работников принимали участие большевики — делегаты Совещания Советов, а также представители тех партийных организаций, которые не были представлены на Совещании Советов. В порядке дня партийного совещания стояли те же вопросы, что и в порядке дня Совещания Советов: отношение к войне, отношение к Временному правительству, организация революционных сил, созыв Учредительного собрания, земельный вопрос, 8-часовой рабочий день. Уже во время самого совещания всплыл вопрос об объединении большевиков и меньшевиков. Дискуссия по вопросам об отношении к войне и Временному правительству заняла почти все время. Совещание успело обсудить еще вопрос об объединении и проект резолюции по организационному вопросу: делегаты торопились разъехаться на места, где, по их словам, они «оставили дела на произвол судьбы».

Регистрация участников совещания была поставлена плохо; данные об их количестве и организациях, которые они представляли, не отличаются точностью. По неполным данным, в совещании приняли участие представители более 40 партийных организаций. Среди них были делегаты от Петрограда (Бокий, Богдатов, Залежский, Михайлов и другие), Москвы (Ногин, Игнатов), Баку (Тер-Габриэлян), Вологды (Саммер, Элиава), Гомеля (Севрук), Гельсингфорса (Гарин), Екатеринбурга (Сосновский, Быков, Крестинский), Иркутска (Старостин), Иваново-Вознесенска (Коровайкова), Киева (Савельев, Александров), Костромы (Л. Серебряков), Красноярска (Теодорович), Минска (Позерн), Моршанска (Скрыпник), Николаева (Н. Н. Мандельштам, Овчинников), Ново-Николаевска (Канатчиков, Клепнер), Самары (Теплов, Герасимов), Ростова-на-Дону (Васильченко), Саратова (Васильев, В. П. Милютин), Томска (И. Н. Смирнов, Наханович), Уфы (Эльцин), Харькова (Лугановский), Царицына (Минин, Сагарашвили), Челябинска (Цвиллинг) и другие. От ЦК партии присутствовали Сталин, Молотов, Залудский, Стасова, Шляпников. Персонально были приглашены Смилга, Ольминский, А. И. Елизарова.

Стенографирования Мартовского совещания наша партия не могла организовать из-за недостатка средств. Протоколы совещания вели Г. И. Бокий и я. Во время разгрома дворца Кшесинской в июльские дни погибли протоколы от 27 и 28 марта; черновики и записи остальных заседаний у меня сохранились, и по ним был восстановлен текст протоколов последующих заседаний (ныне они хранятся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Совещание большевиков открылось 27 марта во дворце Кшесинской, а затем продолжалось в помещении большевистской фракции Совещания Советов — на хорах Табрического дворца. Обстановка для работы была самая неподходящая: значительная часть делегатов была участниками Всероссийского Совещания Советов, некоторые из них входили в

комиссии, созданные обоими совещаниями. Партийное совещание заседало урывками, во время перерывов на Совещании Советов, само обсуждение вопросов носило порой хаотический характер.

Первым вопросом, стоявшим в порядке дня совещания, был вопрос об отношении к войне. Незадолго до этого, 14 марта 1917 г., Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил «Воззвание к народам всего мира». В нем заявлялось, что «наступила пора начать решительную борьбу с захватническими стремлениями правительств всех стран». Обращаясь к германскому пролетариату с призывом к революционному перевороту в своей стране, Петроградский Совет не выдвигал такого же лозунга перед пролетариатом стран Антанты. В. И. Ленин отмечал, что в этом воззвании нет ни одного слова, проникнутого классового сознанием. В письме к Ганецкому от 17 (30) марта В. И. Ленин писал: «Надо очень популярно, очень ясно, без ученых слов излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это во-первых. А второе и главное — свергать надо буржуазные правительства и начать с Россией, ибо иначе мира получить нельзя»⁴. К сожалению, воззвание Петроградского Совета не сразу получило верную оценку в большевистской печати. Газета «Правда» поместила статью Л. Каменева, в которой высказывалось одобрение воззванию.

За день до начала совещания, 26 марта 1917 г., в «Правде» была опубликована резолюция Бюро ЦК РСДРП (б) об отношении к войне. В этой резолюции давалась совершенно правильная оценка войны как империалистической и указывалось, что единственным выходом из нее является превращение войны в гражданскую борьбу всех угнетенных классов во всех странах. Резолюция предлагала революционному пролетариату России непосредственно обратиться к пролетариату всех стран и угнетенным народам с призывом к восстанию против собственных правительств, чтобы этим поддержать революционное движение в России и расчистить путь для всеобщего мира. Но вместе с тем Бюро ЦК РСДРП (б) в резолюции о войне становилось на ошибочную позицию давления на Временное правительство. В резолюции указывалось на необходимость заставить Временное правительство не только отказаться от всяких завоевательных планов, но немедленно и открыто формулировать волю народов России предложить мир воюющим странам на условии освобождения всех угнетенных, подавленных и неполноправных народов (право на самоопределение). «Орудием воздействия, как на пролетариат воюющих государств, так и на Временное правительство в указанном направлении, должны явиться Советы Рабочих и Солдатских депутатов, которые должны немедленно развить агитацию среди самых широких масс в духе изложенных тезисов»⁵. Перед партией ставилась задача «неустанно разъяснять истинный смысл нынешней империалистической войны и неуклонно бороться как с империалистической струей, усердно прививаемой и разжигаемой либеральной буржуазией, так и с националистической струей в революции, как она представлена мелкобуржуазными группами, прикнувшими к ней»⁶.

На партийном совещании вопрос об отношении к войне обсуждался 27—28 марта. Совещание вновь вернулось к нему 30 марта. По вопросу о войне среди участников совещания наметились три течения: «революционные оборонцы» (Войтинский, Элиава, Севрук и другие) поддерживали оборонческую линию Исполкома Петроградского Совета; другая группа делегатов (Коллонтай, Милютин, Молотов и другие) не допускала никаких уступок оборончеству; наибольшее число депутатов, хотя и выступало против поддержки войны, но не решалось полностью порвать с

⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 252.

⁵ «Правда» № 18, 26 марта 1917 года.

⁶ Там же.

«революционным оборончеством». Помню, как А. Коллонтай говорила, что Февральская революция не изменила характера войны — она осталась такой же захватнической, империалистической, какой была и при царе. Во Франции — республика, но война, которую она ведет, империалистическая. Поэтому никакой поддержки царской армии мы оказывать не можем. На это Цвиллинг и некоторые другие делегаты с мест возражали: армия не царская, а наша, она всецело идет за нами. На местах вся власть сосредоточена в Советах, и от нас зависит и посылка маршевых рот на фронт и снабжение армии продовольствием и обмундированием; дайте нам ответ на вопрос, посылать ли нам маршевые роты, снабжать ли фронт. Делегат от Западного фронта Позерн говорил: через несколько дней в Минске соберется съезд делегатов Западного фронта. Будет стоять вопрос о положении на фронтах, о наступлении. Какую линию мы должны там проводить: призывать держать линию фронта, идти в наступление, если прикажут?

Резолюция о войне, принятая Мартовским партийным совещанием и предложенная большевиками Всероссийскому Совещанию Советов, во многом совпадала с резолюцией Бюро ЦК. Она содержала, однако, ряд уступок оборончеству. В ней говорилось, что настоящая война возникла на почве империалистических стремлений господствующих классов всех стран. «Необходимо, чтобы этой ненужной для народов войне волею народов был положен конец. Поэтому революционные силы России (пролетариат и армия) ставят своею неотложною задачей скорейшее прекращение войны на основе мира без аннексий, контрибуций, с предоставлением каждому народу права на самоопределение»⁷. Выдвигая перед российской революционной демократией вопрос о необходимости немедленно обратиться к народам всех воюющих стран с призывом восстать против их угнетателей, виновников братоубийственной бойни, и тем расчистить путь для всеобщего мира, резолюция отмечала, что «первым шагом Совета Р. и С. Д. на этом пути был принятый на собрании 14 марта Совета Р. и С. Д. манифест к народам всего мира». Резолюция требовала созыва «в ближайшем времени международного социалистического съезда», допуская тем самым возможность сговориться с социал-шовинистами из II Интернационала. В ней говорилось также о необходимости «заставить Российское Временное правительство не только отказаться от всяких завоевательных планов, но немедленно... предложить всем воюющим мир без аннексий, контрибуций, с правом народов на самоопределение»⁸.

Высказывая правильную мысль, что лишь после перехода власти в руки пролетариата и революционной демократии изменился бы империалистический характер войны, резолюция заявляла: «Вплоть же до этого момента мы, отвергая дезорганизацию армии и считая необходимым сохранение ее мощи, как оплота против контрреволюции, призываем всех солдат и рабочих остаться на своих постах и соблюдать полную организованность»⁹. Таким образом, резолюция, принятая совещанием, явилась шагом назад по сравнению с резолюцией Бюро ЦК.

Л. Каменев вел тогда переговоры с делегатами Совещания Советов — эсерами-интернационалистами и меньшевиками, добиваясь принятия общей резолюции по вопросу о войне. О результатах этих переговоров он сообщил на партийном совещании 30 марта: эсеры-интернационалисты (22 человека) обещали снять свою резолюцию и присоединиться к резолюции большевиков. Меньшевики-интернационалисты тянули с ответом, меньшевики-оборонцы и правые эсеры поддерживали оборонческую резолюцию Исполкома Петроградского Совета. Л. Каменев предлагал голодовать против резолюции Исполкома Петроградского Совета и противо-

⁷ «Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских депутатов». Стенографический отчет. М.-Л. 1927, стр. 90.

⁸ Там же, стр. 90, 91.

⁹ Там же, стр. 91.

поставить ей свою резолюцию. Но так как было ясно, что пройдет резолюция Исполкома Совета, Л. Каменев предлагал внести к ней четыре поправки с целью продемонстрировать точку зрения интернационалистов. Эти поправки сводились к следующему: 1) потребовать от Временного правительства как следующего шага¹⁰ перед всем миром открыто заявить о готовности народов освобожденной России вступить в мирные переговоры на основе права наций на самоопределение, без аннексий и контрибуций; 2) отвергая всякие надежды на тайную дипломатическую игру империалистических правительств, заявить, что единственным союзником революционной России в борьбе за ликвидацию империалистической войны является международный пролетариат; 3) требовать от Временного правительства порвать с тайной дипломатией и опубликовать договоры Парижа, заключенные за спиной народа; 4) отвергнуть принцип классового мира, выгодного только наживающейся на войне буржуазии и помещикам¹¹.

Все эти поправки были приняты партийным совещанием. Против этих поправок к резолюции Исполнительного Комитета не возражали даже «революционные оборонцы», возглавляемые Войтинским, но последние предлагали принять все меры, чтобы поправки были приняты самим Исполкомом. Как и в других вопросах, они стремились добиться единства с меньшевиками. Без согласия партийного совещания Войтинский и другие поместили в «Известиях Петроградского Совета Р. и С. Д.» объявление, приглашавшее всех социал-демократов — участников съезда Советов, без различия фракций, собраться 30 марта в Таврическом дворце для выработки общей позиции в вопросе о войне. Участники большевистского совещания не успели еще обменяться мнениями по вопросу о том, идти ли на собрание с меньшевиками, как в комнату явилась большая группа меньшевиков. Тут были и меньшевики-интернационалисты и меньшевики-оборонцы. Собравшиеся договорились о том, что решение этого собрания будет иметь необязательный для фракций характер. Вел это объединенное заседание оборонец Хинчук.

В сравнительно небольшой комнате на хорах Таврического дворца, где заседало партийное совещание, набилось 150 человек, многие стояли, нависнув над столом президиума и секретариата. Было тесно, шумно, сумбурно. Голоса подсчитывались представителями обеих групп. Из-за тесноты счетчики сбивались, производились повторные голосования, которые тоже не давали вполне точных результатов. В порядке дня объединенного собрания стоял вопрос об отношении к проекту резолюции Исполкома Петроградского Совета о войне. Высказывались по течениям: от большевиков — Каменев, Севрук и Войтинский, от меньшевиков — Розанов, Ерманский и Либер.

Л. Каменев выступил против резолюции Исполкома, так как в ней ничего не говорилось ни о мире, ни об уничтожении тайных договоров; он предлагал принять за основу резолюцию большевиков. Либер выступил за безоговорочную поддержку резолюции Исполкома; он заявил, что, если пролетариат займет антиоборонческую позицию, он окажется изолированным от демократии. Войтинский целиком поддержал Либера. Меньшевик-интернационалист Ерманский произнес антиоборонческую речь, которая была ближе к позиции большевиков, чем речь «большевика» Войтинского. Розанов призывал во имя сохранения единства принять компромиссную резолюцию.

¹⁰ Под первым шагом подразумевалось заявление Временного правительства от 27 марта, сделанное им в результате переговоров с представителями Петроградского Совета, в котором говорилось, что цель свободной России — утверждение полного мира на основе самоопределения народов, и в котором вместе с тем давалось обязательство разрешить вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, «в тесном единении с нашими союзниками».

¹¹ См. Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 384, л. 57.

После прений, голосований и переголосований различных предложений объединенное собрание приняло решение выступить с самостоятельной резолюцией, приняв за основу текст резолюции Исполкома. Была избрана согласительная комиссия в составе Каменева, Войтинского, Ерманского и Либера. После этого меньшевики удалились на отдельное совещание для обсуждения вопроса о своем дальнейшем поведении. Совещание большевиков продолжалось. Заявив, что «революционные оборонцы» на Всероссийском Совещании Советов будут голосовать за резолюцию Исполкома, Войтинский призвал своих сторонников удалиться с совещания. Уход оборонцев вызвал замешательство среди оставшихся. Прозвучало слово «раскол», испугавшее многих. Стали искать компромисса. Свердлов и Голощекин выступили против переговоров с дезорганизаторами. Однако большинством голосов было решено призвать ушедших вернуться, предоставить им право воздержаться при голосовании резолюции на Совещании Советов. Позвали оборонцев. Вернувшийся Войтинский спросил, будут ли в резолюцию Исполкома внесены поправки. Получив утвердительный ответ, он заявил, что будет голосовать за резолюцию Исполкома. Всероссийское Совещание Советов отклонило поправки, внесенные от имени большевиков Н. Скрыпником и В. Ногиним, и приняло резолюцию Исполкома Петроградского Совета. «Революционные оборонцы»-«большевики» голосовали за эту резолюцию. Несмотря на прямое нарушение «революционными оборонцами» партийной дисциплины, партийное совещание не решилось призвать к порядку дезорганизаторов, и последние продолжали участвовать в его работах.

★

29 марта совещание большевиков обсуждало вопрос об отношении к Временному правительству. После свержения царизма вопрос о власти стоял иначе, чем в 1905 году. В новых условиях прежние тактические положения потеряли свое значение. Буржуазно-демократическая революция в России закончилась. Между тем у партийных работников не было понимания необходимости перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. К лозунгу «Вся власть Советам!» партия шла тогда ощупью, непоследовательно, нерешительно.

На Мартовском совещании большевиков доклад об отношении к Временному правительству сделал И. В. Сталин. В этом докладе нашли отражение некоторые положения первого ленинского «Письма из далека», незадолго до того в урезанном виде опубликованного в газете «Правда». В докладе И. В. Сталина подчеркивалось, что на развитие русской революции наложила отпечаток мировая империалистическая война. Так как все взрослое население оказалось призванным в армию, то армия сыграла в этой революции такую роль, которую ни в какой другой революции она не играла: армия присоединилась к восставшим рабочим. Царизм оказался изолированным; даже империалистические круги Англии и Франции повернулись к нему спиной, так как они хотели иметь во главе русского правительства людей, способных вести войну до победного конца. Легкое и быстрое крушение царизма объяснялось тем, что объединились четыре силы революции: две основные — рабочие и солдаты — и две второстепенные — империалистические круги, российские и англо-французские. Поскольку были разнородны силы, разнородны были и цели. Верхи — российская и западноевропейская буржуазия — объединились, чтобы одного царя заменить другим; низы — рабочие и солдаты — углубили революцию, разрушив все основы старого строя. Шли два потока, сверху и снизу, которые выдвинули два правительства, две силы: 1) Временное правительство, поддерживаемое англо-французским капиталом, и 2) Совет рабочих и солдатских депутатов.

Но из этих правильных посылок И. В. Сталин делал ошибочные выводы. В ленинском «Письме из далека» говорилось о том, что своеобразие

текущего момента состоит в переходе от первого ко второму этапу революции, что рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиков и полагаться только на свои силы, свою организацию, свое объединение, свое вооружение. В. И. Ленин отмечал, что буржуазное Временное правительство не хочет и не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни свободы, что мир, хлеб и свободу может дать народу только социализм. В докладе И. В. Сталина все эти вопросы были обойдены.

И. В. Сталин характеризовал Совет рабочих и солдатских депутатов как революционного вождя восставшего народа, сделавшего почин революционных преобразований. Вместе с тем он рассматривал Совет как орган, контролирующий Временное правительство. И. В. Сталин указывал, что Временное правительство фактически взяло на себя «роль закрепителя завоеваний революционного народа. СР и СД мобилизуют силы, контролируют. Временное же правительство, упираясь, пугаясь, соглашается закреплять те завоевания народа, которые фактически уже взяты им». И. В. Сталин отмечал, что «нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс откалывания буржуазных слоев». «Нам необходимо, — говорил он, — выиграть время, затормозив откалывание среднебуржуазных слоев, чтобы закрепить завоевания революции и подготовиться к борьбе с Временным правительством».

Поскольку революция будет переходить к решению социальных вопросов, раскол со средней буржуазией неминуем, и тогда Временное правительство «из органа, закрепляющего завоевания революции, будет превращаться в орган, организующий контрреволюцию»¹².

В то время как В. И. Ленин выдвигал лозунг — никакой поддержки, никакого доверия Временному правительству, И. В. Сталин говорил: «Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, — постольку поддержка его, постольку же оно контрреволюционно, — постольку поддержка Временного правительства неприемлема». И. В. Сталин указывал, что ставить вопрос о захвате власти сейчас несвоевременно. Временное правительство не так слабо: оно опирается на инертность и симпатии провинции, на поддержку англо-французского капитала. «Поэтому мы должны ждать, пока Временное правительство исчерпает себя, когда, в процессе выполнения революционной программы, оно дискредитирует себя. Единственный орган, могущий принять власть, — это Советы Р. и С. Д. во всероссийском масштабе. Мы же должны выждать момента, когда события обнаружат пустоту Временного правительства, и быть готовыми, когда события созреют, а пока организовать Центральный Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и укреплять его — в этом задача момента»¹³.

Огласив резолюцию Бюро ЦК по вопросу о Временном правительстве, И. В. Сталин заявил, что не совсем согласен с нею и скорее присоединяется к резолюции Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов. Резолюция Бюро ЦК, опубликованная 26 марта в «Правде», отмечала, что, поскольку Временное правительство выдвинуто умеренно-буржуазными классами общества и связано своими интересами с англо-французским капиталом, оно неспособно решить задачи, выдвинутые революцией, и противодействует дальнейшему развитию и углублению революции. Центром сплочения революционных сил «должны явиться Советы Рабочих и Солдатских депутатов — в городах, Советы Крестьянских и Батрацких депутатов — в деревнях как зачатки революционной власти, готовые в дальнейшем процессе, в определенный момент развития революции, осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией для проведения в жизнь полностью требований восставшего народа. Уже теперь эти Советы должны осуществлять самый решительный шаг к захвату власти».

¹² Там же, л. 12 об., 13.

¹³ Там же, л. 13.

тельный контроль над всеми действиями Временного правительства и его агентов, как в центре, так и на местах, и принять на себя ряд функций государственно-экономического характера, вызванных полной дезорганизацией хозяйственной жизни страны и необходимостью принять самые решительные меры для обеспечения голодающего населения и разоряемого войной населения»¹⁴. В качестве ближайшей и важнейшей задачи Советов выдвигалось всеобщее вооружение народа и, в частности, немедленное создание рабочей Красной Гвардии во всей стране.

Резолюция Красноярского Совета Р. и С. Д. во многом совпадала с резолюцией Бюро ЦК. Она отмечала, что Временное правительство выражает требования русской империалистической воинствующей буржуазии, что столкновение требований империалистической буржуазии с требованиями рабочего класса и революционного крестьянства в будущем неизбежно. Резолюция предлагала разъяснять широким слоям армии и крестьянства, что Временное правительство неспособно содействовать в доведении происходящей революции до удовлетворения основных требований пролетариата и революционного крестьянства. Но Красноярский Совет не рассматривал Советы как зачатки революционной власти, призванные в дальнейшем осуществить полноту власти пролетариата. Он не предлагал Советам уже теперь взять на себя функции государственно-экономического характера. Красноярский Совет Р. и С. Д. ограничился призывом оказывать непрерывное давление на Временное правительство и продолжать организацию пролетариата, крестьянства и революционной армии вокруг Советов «для превращения их в грозную силу революционного народа». Резолюция предлагала «поддерживать Временное правительство в его деятельности лишь постольку, поскольку оно идет по пути удовлетворения требований рабочего класса и революционного крестьянства в происходящей революции»¹⁵. Именно к этой резолюции и предлагал присоединиться И. В. Сталин.

Содокладчиком по вопросу об отношении к Временному правительству выступил Войтинский. Он заявил, что, будучи контрреволюционным по своей природе, Временное правительство является революционным по своей деятельности. Войтинский говорил, что если бы революционная демократия взяла власть непосредственно в свои руки, она не справилась бы с анархией и погубила бы буржуазно-демократическую революцию. Передав власть умеренным буржуазным элементам, революционная демократия заставляет их выполнять свою программу. Советы Рабочих Депутатов — власть, диктующая свои условия. Войтинский призывал поддерживать революционную работу Временного правительства и бороться против всякой его попытки уйти от контроля.

Почти все делегаты совещания характеризовали Временное правительство как правительство буржуазное, контрреволюционное по своей сущности. Они признавали, что на определенной стадии развития революции конфликт с этим правительством будет неизбежен и Советы Рабочих и Солдатских Депутатов должны будут в процессе развития революции взять в свои руки всю полноту власти. Но по вопросу о том, как относиться к Временному правительству в настоящее время, на совещании возникли разногласия.

В. Милютин говорил: «Мы должны расширять, закреплять завоевания революции, но не солидаризироваться с шагами Временного правительства». Ф. Голощекин указывал, что «если Временное правительство совершит революционные шаги, например, объявит о конфискации земель, мы его поддержим. Но вотировать ему полное доверие мы не можем». Н. Скрыпник отмечал, что Временное правительство проводит те или иные меры под давлением революционного пролетариата. Мы будем поддер-

¹⁴ «Правда» № 18, 26 марта 1917 года.

¹⁵ Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 384, л. 57.

живать меры, проводимые правительством в интересах революции, говорил он, но декларировать ему доверие не станем. В таком же духе высказывались и другие ораторы. Только Гарин, Яхонтов и Севрук поддержали точку зрения Войтинского.

В заключительном слове И. В. Сталин предложил принять за основу резолюцию, не поддерживающую Временное правительство. Совещание решило избрать комиссию для выработки резолюции. Большинством 33 голосов против 26 совещание приняло предложение Войтинского о необходимости включить в резолюцию указание на то, что «мы оказываем поддержку шагам, направленным в сторону развития революции». В комиссию по выработке резолюции об отношении к Временному правительству вошли Войтинский, Милютин, Сталин, Саммер, Севрук, Крестинский, Каменев, Элиава, Теодорович.

Пока комиссия выработывала резолюцию, произошло событие, оказавшее влияние на дальнейшее обсуждение вопроса об отношении к Временному правительству. Вечером 30 марта на Всероссийском Совещании Советов с докладом по этому вопросу выступил Ю. Стеклов. Докладчик разоблачал реакционные махинации Временного правительства, его противодействие осуществлению революционных мероприятий. Тем не менее, в полном противоречии со своим же докладом, Стеклов от имени Исполкома предложил проект резолюции, в которой отмечалось, что Временное правительство «проявляет стремление идти по пути, намеченному в декларации». Резолюция призывала к поддержке Советом Временного правительства «постольку, поскольку оно, в согласии с Советом, будет неуклонно идти в направлении к упрочению завоеваний революции и расширению этих завоеваний»¹⁶.

На заседании партийного совещания 31 марта Милютин докладывал о работе комиссии по выработке резолюции об отношении к Временному правительству. Он сообщил, что в работе комиссии приняло участие 5 человек, причем единогласие достигнуто не было: Войтинский попрежнему оценивал Временное правительство как революционное и отстаивал необходимость его поддержки, большинство же комиссии высказывалось за то, чтобы поддерживать мероприятия Временного правительства постольку, поскольку они направлены к укреплению завоеваний революции, но не поддерживать Временное правительство как таковое. Но после доклада Стеклова большинство делегатов совещания высказалось за исключение из резолюции пункта о поддержке даже в такой форме. Все сходились на необходимости сплотиться вокруг Советов как единственных выразителей воли революционного народа. В. Милютин заявил, что никто из членов комиссии не будет протестовать против исключения из резолюции пункта о поддержке. В. Ногин заявил, что для тех, кто стоял на точке зрения ненужности поддержки, доклад Стеклова внес одну новую мысль: ясно, что не о поддержке, а о противодействии (Временному правительству) должна теперь идти речь. Н. Скрышник указал, что после доклада Стеклова многое изменилось: о поддержке Временного правительства говорить нельзя, Временное правительство готовит заговор против народа и революции. По предложению Сталина, партийное совещание большинством всех голосов против 4 исключило из резолюции пункт о поддержке Временного правительства. Для окончательной выработки резолюции была избрана комиссия в составе Милютина, Каменева, Сталина, Теодоровича.

В окончательном тексте резолюции об отношении к Временному правительству, принятом партийным совещанием, отсутствовал пункт о доверии Временному правительству и о поддержке его мероприятий. В ней отмечалось, что «организующиеся силы контрреволюции, прикрываясь знаменем Временного правительства при явном попустительстве со сторо-

¹⁶ «Всероссийское Совещание Советов Рабочих и Солдатских депутатов», стр. 124.

ны последнего, уже начали атаку против Советов Р. и С. Д.; что Советы Р. и С. Д. являются единственными органами воли революционного народа»¹⁷. Но в резолюцию, принятую Мартовским совещанием большевиков, не вошли положения из постановления Бюро ЦК от 26 марта о том, что Советы являются зачатками революционной власти, что они должны «принять на себя ряд функций государственно-экономического характера». В ней не было также пункта о всеобщем вооружении народа и немедленном создании рабочей Красной Гвардии, имевшемся в резолюции Бюро ЦК. Партийное совещание встало на точку зрения «контроля» над Временным правительством, решительно осужденную В. И. Лениным. Оно призывало революционную демократию «осуществлять бдительный контроль над действиями Временного правительства в центре и на местах, побуждая его к самой энергичной борьбе за полную ликвидацию старого режима»¹⁸.

Ошибочную позицию заняли большевики на самом Совещании Советов. После доклада Стеклова проект резолюции о Временном правительстве, предложенный Исполкомом Совета, подвергся резкой критике даже со стороны оборонческого большинства делегатов Совещания Советов. Под давлением этой критики Исполком переработал первоначальную резолюцию. Он придал резолюции другой внешний вид и внес в нее некоторые несущественные изменения. Несмотря на то, что «новая» резолюция по существу не отличалась от первоначальной, Каменев сказал, что он «счастлив заявить, что, благодаря тем изменениям, которые внесены в первоначальный текст резолюции, предложенной Исполнительным Комитетом»¹⁹, делегаты-большевики снимают свою отдельную резолюцию и будут голосовать за резолюцию Исполкома. Вместе с тем он огласил текст этой отдельной большевистской резолюции.

Мартовское совещание большевиков не выдвинуло вопроса о переходе ко второму, социалистическому этапу революции. Дав правильную оценку продолжавшейся войны и классовой сущности Временного правительства, оно не смогло занять последовательную большевистскую линию в вопросе об отношении к войне и к Временному правительству. Отклонив капитулянтскую позицию Войтинского и его группки, Мартовское совещание большевиков, однако, не противопоставило этой позиции четкую ленинскую точку зрения. Оно не смогло правильно ориентироваться в новой обстановке и наметить верную тактику.

В этой связи следует вспомнить слова В. И. Ленина, сказанные им несколько позднее, в связи с обстановкой, сложившейся после июльских событий. «Слишком часто бывало,— писал тогда В. И. Ленин,— что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории»²⁰. И действительно, в марте 1917 г. партийные кадры исходили из тактических положений, разработанных в период революции 1905—1907 годов. Они мыслили прежними формулами, согласно которым в России должна сначала установиться революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая доведет до конца буржуазно-демократическую революцию и обеспечит переход к революции социалистической. Партийные руководители не учитывали своеобразия новой обстановки, не видели, что лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществился в своеобразных условиях двоевластия и надо идти вперед, к установлению диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. Чтобы помочь партии ориенти-

¹⁷ Там же, стр. 187.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 25, стр. 164.

роваться в новых условиях и вывести ее на широкую дорогу социалистической революции, нужна была гениальная прозорливость В. И. Ленина.

Важнейшим условием успешного перехода к социалистической революции было укрепление революционной партии пролетариата и ее решительное размежевание с мелкобуржуазными партиями и группами. С первых же дней революции В. И. Ленин выражал тревогу по поводу «объединительной опасности». В письме к Коллонтай он писал: «По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися, вроде ОК, Троцкого и К^о) и продолжать работу с своей партией в последовательно-интернациональном духе»²¹.

О наличии «объединительной опасности» свидетельствовали события, происходившие во время мартовского совещания. В конце работы совещания возник вопрос об объединении большевиков и меньшевиков. Он обсуждался совещанием 1 апреля. Дискуссия развернулась вокруг вопроса, идти ли на объединенное собрание с меньшевиками с заранее выработанной платформой или без платформы. И. В. Сталин высказывался за то, чтобы пойти на объединенное собрание, не выдвигая никаких платформ. Он говорил, что «забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие партийные разногласия»²². И. В. Сталин считал возможным объединяться лишь с теми меньшевиками, которые стоят на позициях Кинтальской и Циммервальдской конференций. Он предлагал также предупредить меньшевиков, что переговоры будут вестись лишь от имени большевиков, собравшихся на совещание, что решения этого совещания не обязательны для всей партии. И. В. Сталин высказал пожелание о созыве «конференции на почве антиоборончества».

Иную позицию занимал В. М. Молотов. Он настаивал на необходимости выдвинуть определенную интернационалистско-социалистическую платформу. В. М. Молотов указывал: «Сам Церетели называет себя циммервальдистом и кинтальцем. Поэтому объединение на этой линии неправильно и политически, и организационно». Предложение В. М. Молотова об объединении по платформам поддержали П. Залуцкий, Н. Скрыпник и некоторые другие делегаты совещания. П. Залуцкий говорил: «Исходить из простого желания объединения может мещанин, а не социал-демократ. Разногласия у нас по следующим вопросам: 1) об отношении к войне; 2) об оценке и роли в революции капиталистических сил. Если мы их и смажем, то через неделю все равно расколемся. По внешнему циммервальдско-кинтальскому признаку объединяться невозможно».

На голосование были поставлены два предложения. Предложение И. В. Сталина: 1) заявить, что мы можем объединиться только с теми, кто стоит на точке зрения Циммервальда и Кинталь; 2) что собрание носит информационный характер, участвующие в нем выражают частное мнение группы большевиков, не обязательное для всех. Предложение В. М. Молотова: 1) выступить с платформой; 2) совпадало с предложением И. В. Сталина.

Партийное совещание постановило пойти на объединенное собрание с меньшевиками, но считать это собрание информационным. Делегат совещания Лугановский предложил создать комиссию для организации созыва объединительного партийного съезда. Выступив против создания специальной комиссии, И. В. Сталин высказался за то, чтобы ЦК снесся с руководителями меньшевиков-интернационалистов по вопросу о созыве конференции. Это предложение было принято. В комиссию для ведения переговоров были избраны: И. В. Сталин, Л. Каменев, И. Теодорович, В. Ногин. И. В. Сталину было поручено выступить на объединенном собрании большевиков и меньшевиков.

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 241.

²² Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, д. 384, л. 36.

2 апреля партийное совещание обсуждало доклад о работе организационной комиссии съезда Советов; за недостатком времени остальные вопросы порядка дня не обсуждались. Объединенное собрание было назначено на 4 апреля, после окончания Совещания Советов. Но в ночь на 4 апреля вернулся из эмиграции В. И. Ленин, и весь дальнейший ход событий принял другой оборот.

Днем в воскресенье, 3 апреля, я зашла во дворец Кшесинской. Там я застала секретаря Петроградского комитета Г. И. Бокия. Он был взволнован и несколько растерян. Перед ним лежала телеграмма, в которой сообщалось о приезде В. И. Ленина. Поезд приходил в 12 часов ночи. Как быть? Как оповестить рабочих о столь долгожданном приезде Владимира Ильича? Газеты не выходили, типографии, заводы и фабрики не работали. Решено было немедленно сообщить по районам и воинским частям о приезде Владимира Ильича. Дали знать в автоброневого дивизиона, расквартированный во дворе дома Кшесинской. По телефону связались с Кронштадтом; моряки обещали послать делегацию, несмотря на ледоход на Неве. Никто не знал, насколько широко были оповещены районы, много ли народу придет встречать Ленина. Вот почему для всех нас была радостной неожиданностью грандиозная встреча-демонстрация на площади перед Финляндским вокзалом.

Я не стану останавливаться на подробностях встречи Владимира Ильича — об этом уже много писалось. Отмечу только, что в эту памятную ночь во дворце Кшесинской собрались партийный актив, родные, старые друзья и знакомые «Ильичей», как называли товарищи неразлучных Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Владимир Ильич был радостно возбужден, приветствовал старых знакомых, знакомился с новыми товарищами. Надежда Константиновна была потрясена массой неожиданных и радостных впечатлений. Она говорила мне, что, подъезжая к Питеру, они с Ильичем беспокоились, достанут ли в такой поздний час извозчика. Владимир Ильич спрашивал встречавших его на границе в Белоострове товарищей, не арестует ли их правительство.

В верхнем этаже двухэтажного особняка Кшесинской были накрыты столы с бутербродами, гостей ждал чай. Когда приехавшие немного отдохнули и подкрепились, товарищи попросили Ильича высказаться по «текущему моменту». Он охотно согласился. Все сошли вниз. Спускаясь по лестнице, я очутилась позади Владимира Ильича. До меня донеслись его слова, сказанные необыкновенно спокойно, как если бы речь шла о самых обыденных вещах: «Ну, что же, самое худшее, что они могут сделать, это истребить нас физически, но идеи-то останутся!».

Когда все собрались, Владимир Ильич изложил свои взгляды по основным вопросам революции. Он говорил, что, поскольку государственная власть перешла в руки буржуазии, буржуазная революция в России закончена. Владимир Ильич чутко уловил состояние «революционного угара», в котором находились наши партийные товарищи. Довольно ликующий, приветливый, резолуций, говорил он, пора принять за дело. От первого этапа революции пора переходить ко второму — добиваться перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

Было уже четвертый час ночи. Надо было дать Ильичу отдохнуть с дороги. Все разошлись, взволнованные речью Ильича, по-новому поставившего все основные вопросы революции.

Утром 4 апреля участники Мартовского партийного совещания собрались в помещении большевистской фракции на хорах Таврического дворца. Ильич пришел с опозданием, за которое просил его извинить. Он принес с собой тезисы «О задачах пролетариата в данной революции», вошедшие в историю под названием «Апрельские тезисы». Владимир Ильич зачитывал их, сопровождая каждый тезис комментариями. Вначале он

говорил довольно медленно, так что можно было записывать его речь почти дословно. Но вот стали приходиться одна за другой депутации от меньшевиков, собравшихся в зале заседаний дворца, настаивая на открытии объединенного собрания. Речь Ленина становилась все быстрее и быстрее, ее уже почти невозможно стало записывать, оттого в ней так много пропусков. В том виде, в каком мне удалось записать эту речь, она напечатана в третьем издании Собрания сочинений В. И. Ленина (в 4-е издание она почему-то не вошла)²³.

В. И. Ленин говорил в этой речи о бессознательно доверчивом отношении масс к правительству капиталистов. «Даже наши большевики обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром революции. Это — гибель социализма. Вы, товарищи, относитесь доверчиво к правительству. Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве. Один Либкнехт стоит дороже 110 оборонцев типа Стеклова и Чхеидзе. Если вы сочувствуете Либкнехту и протянете хоть палец (оборонцам), — это будет измена международному социализму».

Владимир Ильич критиковал позицию тогдашней «Правды»: «Правда» требует от правительства, чтоб оно отказалось от аннексий. Требовать от правительства капиталистов, чтоб оно отказалось от аннексий, — чепуха...». «Настоящее правительство, — говорил Владимир Ильич, — Совет Рабочих Депутатов... Надо разъяснять массам, что Совет Рабочих Депутатов единственно возможное правительство...». «За Советы Рабочих Депутатов мы все ухватились, но не поняли их. Мы от этой формы тянем назад, к Интернационалу, который идет в хвосте буржуазии»²⁴. В. И. Ленин предлагал изменить название партии, впредь именовать ее коммунистической.

Речь В. И. Ленина затянулась. Между тем меньшевики торопили с открытием объединенного собрания. Кто-то предложил повторить тезисы Ленина на объединенном собрании. Это предложение было принято. Спустились вниз, в зал заседаний. Там собралось довольно много народу. По данным газеты «Единство»²⁵, общее количество присутствующих составляло 117 человек: 50 большевиков, 47 меньшевиков, 17 нефракционных социал-демократов, 3 представителя национальных социал-демократических партий. Председательствовал Чхеидзе. В порядке дня собрания стоял вопрос об объединении большевиков и меньшевиков.

Собрание началось мирно. От инициативной группы по объединению выступил И. П. Гольденберг. Когда-то он был видным большевиком, а во время войны стал оборонцем и скатился к меньшевикам. Гольденберг отметил, что на местах имеется сильная тяга к единству. Выступившие вслед за ним Войтинский, Чхеидзе и Церетели также доказывали необходимость объединения. Но вот слово было предоставлено В. И. Ленину. Он стал зачитывать и комментировать свои тезисы. Трудно передать, что поднялось в зале. Меньшевики повскакали с мест, кричали, стучали по пюпитрам, многие кинулись со сжатыми кулаками к кафедре, где стоял Владимир Ильич. Большевики бросились на защиту Ленина и старались перекрыть поднявшийся шум аплодисментами. Во время речей меньшевистских ораторов В. И. Ленин и его сторонники покинули зал. Вопрос об объединении был снят с повестки дня.

Приезд В. И. Ленина и принятие большевиками его исторических Апрельских тезисов ознаменовали крутой поворот в жизни партии. Партия большевиков взяла твердый курс на социалистическую революцию.

²³ Заголовок этой речи дан в 3-м издании Собрания сочинений В. И. Ленина неправильно: «Речь на совещании большевиков членов Всероссийской конференции Советов Р. и С. Д.». На самом деле она была обращена к делегатам Мартовского совещания большевиков, то есть к более широкой партийной аудитории.

²⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. XX, изд. 3-е, стр. 78—80.

²⁵ «Единство» № 5, 5 апреля 1917 года.